Гов. и показ. Москва.—1990.—3 апр.—6 мая (№ 12).—С. 6

А ГОДЫ ЛЕТЯТ...

О творчестве Е. Долматовского

ВОСКРЕСЕНЬЕ, 6 МАЯ, 1 ПРОГРАММА, 21.15; РО-4—17.15; РО-3—16.45; РО-2—15.15; РО-1—13.30

Обычно наши встречи длились много часов. Тема подсекала тему, годы вихрем кружили в его памяти, факты сдабривались подробностями. Вдруг монолог его прерывался, он задумчиво глядел в окно и, предупредив: «Это не для печати, а так, на заметку», отвлекался пережитой или еще переживаемой болью. Но никогда я не слышал от него жалобы, никогда тяжелой, подавляющей рефлексии. Ум не позволял, темперамент, творческий азарт, всегдашняя рабочая горячность. На столе его, поразившем еще в первую встречу художественным беспорядком, словно заключена душа поэта. Истлевшие вырезки газет, стопки писем, чуть початый строчкой чистый лист, благоухающая краской новая книга — и все в закладках, свои и чужие книги, машинка, магнитофон...

Нынешняя наша беседа сдержана рамками телефона. Вопрос — ответ. Поэт собирается на Эльбу, чтобы отметить с друзьями ту встречу в апреле сорок пятого. Разговор о песнях. Его песенному творчеству и посвящается передача «А годы летят...»

— У вас, Евгений Аронович, песен сто?

— Да.

— Первую помните?

— Первые... С композитором Чемберджи, с Милютиным. Наша песня «Все стало вокруг голубым и зеленым» стала популярной. Или довоенная песня «Любимый город» (это из фильма «Истребители») сблизила меня с творчеством композитора Никиты Богословского и артиста Марка Бернеса — «крестного отца» многих будущих песенных шедевров.

— А первое стихотворение?

— В тридцатом году. Мне было пятнадцать лет. А в двадцать лет вышел первый сборник «Лирика», на следующий год — «День...»

— Всего сколько у вас книг?

— Около ста... Не очень интересный у нас что-то разговор. «Сколько» да «когда»? Бухгалтерия какая-то.

— Согласен... А как у вас по части перехода от поэзии к прозе, от вымысла к документу, часто скрупулезному изысканию, поездкам, архивным внедрениям? Ведь трудно?

— Да нет. Так интересней. Душа требует и перемены мест, и жанра...

— Еще в школьные годы меня поразило ваше стихотворение «Лагерь смерти». Особенно эти строчки о фотографии «кровавой бани»: «Раскинул руки на переднем плане убитый юноша с моим лицом». Стихотворение вышло в «Дне поэзии» 1956 года... Памятного, обнадеживающего. Вы этой поэтической исповедью как бы давали клятву: «Будь бойцом, покуда жив». Клялись своему двойнику, расстрелянному и сожженному в Бухенвальде, юноше, подарившему всем нам «Этот мир весны и солнце дня»... Трудно быть бойцом?

— Трудно быть самим собой. А иначе не стоит и жить.

— Вы воевали на Карельском перешейке, потом в Великую Отечественную дошли от Сталинграда до Берлина... Как у вас возникла идея расшифровать надписи на Рейхстаге? Ваша книга «Автографы Победы» — творческий подвиг.

— Понимаете, имя человека не просто надпись или звук. Я увидел эти автографы, и во мне зазвучали голоса и судьбы людские. Представляете, какой потрясающий материал!

— Как была встречена ваша книга «Зеленая брама»?

— Поначалу в штыки. Тогда еще, видно, не пришло время говорить о войне такую правду. Но книга нашла читателя. Тысячи писем пришли ко мне. Сегодня продолжают писать дети, внуки тех, о ком я рассказал.

— Вы смотрели фильм «Васька» — о метростроителях?

— Думаю, что он в противовес, в противопоставление «Добровольцам». Но это дело авторов. Я же писал о строительстве московского метро тогда и с тем своим романтическим пониманием событий. Менять точку зрения не хочется. Переписывать историю задним числом не всегда верно. Было... Ведь все это было!.. Другое дело — как оценивать это было.

— Вы не редактируете старых своих вещей?

— Во всяком случае, не подчищаю и уж точно не тороплюсь выворачивать наизнанку.

— С кем из композиторов вы продолжаете песенную дружбу?

— Назову Эдуарда Колмановского. Мы написали с ним песню «Земля людей» и «Песню о маршале Жукове»... Но специально песнями я не занимался никогда. Стихи первичны. Если кто-то сумел услышать в них песню,— для меня это радость.

Вот и весь разговор с поэтом в канун его 75-летия. Стихийный, как бы случайный, как тот его с Марком Фрадкиным вальс военной поры, который еще называют «Офицерским». Назвал я эту чудесную песню на стихи Евгения Долматовского и словно вспугнул его песни-птицы... И взлетели они в памяти живой стаей — и «Родина слышит», и «Ленинские горы», и «Песня о Днепре», и «Моя любимая», и «За фабричной заставой», и «Если бы парни всей земли», и «Провожают гармониста», и «А годы летят...» И вправду, годы летят, как птицы, и некогда нам оглянуться назад. А так иной раз хочется, так нужно, чтобы понять, что было и что будет.

В. ГУСАРОВ

Фото Б. Вдовенко